

МРНТИ 03.15

ТРАДИЦИИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ ДЕТЕЙ У АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ ГРУЗИИ (XIX-НАЧАЛО XX ВВ.)

Асад Алиев

Институт истории и этнологии НАНА имени А.А. Бакиханова (Баку,
Азербайджан)

E-mail: esed.eliyev.2020@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-5645-2283>

Аннотация. Статья посвящена традициям, обрядам и верованиям, связанным с рождением детей у грузинских азербайджано-турков. Подчеркивается, что, как и у всех тюркских народов, у грузинских азербайджанцев-турков в XIX – начале XX вв. рождение ребенка как продолжателя рода считалось важнейшей задачей семьи и залогом ее будущего благополучия. Бездетность рассматривалась как тяжелый грех, и отношение общества к таким парам было крайне негативным. Поэтому, если невеста в течение нескольких месяцев после свадьбы не беременела, считалось, что на нее наведен сглаз – «чиллу». Историко-этнографические материалы фиксируют проведение различных обрядов и ритуалов, связанных с уходом невесты из дома и с обрядами очищения. Особое значение придавалось символическим действиям: девушку водили вокруг плодоносящего дерева, веря, что как дерево приносит плоды, так и невеста вскоре станет матерью. Родственники и близкие активно участвовали в обрядах снятия сглаза и порчи, считая, что тем самым открывают все закрытые пути к материинству. Подобные практики отражают синкретизм верований, где бытовые традиции переплетались с магическими представлениями и народной медициной. Изучение этих обычаев имеет важное значение для понимания этнокультурной специфики региона и сохранения духовного наследия тюркских народов Кавказа, а также позволяет глубже осмыслить ценность семьи и материинства в традиционном обществе.

Ключевые слова: азербайджанцы Грузии; рождение детей; вера; тюркские народы; отношение к мальчикам и девочкам.

Введение

С древних времён и по наши дни в каждой азербайджано-туркской семье одним из важных желаний родителей является рождение чада, что является основным фактором в продолжении рода и семьи (Әliyev., Әтәнова, 2023:365). Отсутствие детей в семье воспринимались в обществе негативно, в прошлом такое положение в нём вызывало осуждение, члены семьи на каждом шагу сталкивались с холодными взглядами в обществе. Бездетной женщине не позволялось вступать в разговоры, считалось, что «она имеет право на что-либо среди членов общества только после рождения ребенка». Даже участие бездетных женщин в мероприятиях, связанных с подготовкой родственниками приданого для будущей невесты, считалось нежелательным (Qeybullayev, 1994:265). Таково было отношение не только к бездетной женщине, но и к её мужу. Как показывает этнографическая литература, старейшины семей, называемые «баба», «деде», «леле» и др. (Мәһәggәтова, 2020:193), также предпочитали, чтобы их сыновья и внуки, не имеющие детей, как можно скорее обзавелись потомством. Об этом существует достаточно сведений как среди народа, так и в источниках,

литературе. Настолько бездетность считается тяжелым «hәqarət» ясно прослеживается в дастане «Книга Деда Горгуда», где говорится о выделении белой комнаты для мужей, имеющих сына, красной для имеющих дочь, и черной для бездетных, «проклятых Аллахом» (Kitabi-Dədə Qorqud, 1988:34).

Собранный среди грузинских азербайджанцев (турков) этнографический материал показывает, что такие выражения по отношению к бездетным семьям как «жилище без света», «мельница без воды», «дом без солнечного света», «бездетные» заставляли задуматься каждой семью и родителей каждой девушки и юноши для принятия мер в продолжении рода, дабы не упасть в «глазах общества». Для достижения желаемого они прибегали к разным возможностям и средствам.

Насколько бездетность считалась нестерпимой бедой ясно прослеживается в одном из стихотворений Техлали Новруза: (букв. перевод с азербайджанского) Всемогущий Аллах, молю тебя о том,
Чтобы, дал ты мне дитя.

Если будет сын, чтобы стал он опорой рода, стал ханом, Будет дочь пойдет она покрывшись шалью.

Для чего нужен бездетный человек,
После смерти ведь станет разоренным его дом. Помоги каждому о
всевышний Не допусти беды, Убереги каждого от этого горя, от
боли

Да не допусти, чтобы кто-то ушел из этого мира бездетным
Ведь нет продавца детей, чтобы купил Новruz (Təhləli, 2003:130).

По словам пожилых женщин, после свадьбы в течение 2-3 месяцев члены семьи ждали от невесты беременности. Если она не наступала, считалось, что на неё подействовала порча-«чилля». Причину в случившем видели в воздействии порчи, которую наслала молодая женщина (чилля), у которой недавно умер младенец, или воздействии женщин с дурным глазом (Aliyev, 2025:169). Помимо этого, предполагалось также, что на неё могла воздействовать порча (чилля) от человека, навестившего невесту после свадьбы в тот момент, когда у него умер близкий родственник или погибла скотина (Səlimov-Şağıani, 1993:233). В целях избавления невесты от порчи (чилля) прибегали к разным обрядам, водили её к известным святилищам (пирам), где зажигали свечи, приносили жертвоприношения, прикрепляли к оккультным деревьям разноцветные лоскутки, совершали приношения бедным и сиротам (Əliyev, 1995:94). Невесты на шее носили стеклянные бусы с глазками, наделённые силой оберега.

Как в Азербайджане, так и среди азербайджанцев Грузии особый интерес в этом вопросе представляет магический обряд по снятию порчи, называемый «чилля кесмек». Так у невесты, с которой снимали эту порчу, трижды обматывали белой бечевкой большие пальцы рук и ног. Занятый этой процедурой человек, припевая песню со священным текстом, ножницами обрезал бечевку. Эта процедура трижды повторялась. Затем, держа обрезанные бечевки над головой невесты, на её голову лили воду с ритуальной чаши, называемой «гырх ачар». Проведя этот обряд, близкие невесты уверовали в то, что в ближайшем будущем, она забеременеет (Abdullayev, 1989:67-68). Использование ножниц и воды в этом

обряде с этой же целью, также уходит с корнями в глубокую древность.

Материал и методы исследования

В рамках проведенного нами исследования, при всестороннем изучении ряда вопросов, связанных с рождением детей у азербайджанцев-тюрок Грузии в XIX-начале XX вв. – верований, обычаяев и традиций, обрядов были выявлены сходства с тюркскими народами, их идентичное отношение к мальчикам и девочкам. В ходе исследования были использованы комплексные этнологические методы и степно-этнографические исследования. В то же время для более качественного проведения исследовательской работы за основу был взят анализ собранной информации в результате устных опросов среди населения. В статье был проведён научно-критический анализ источников, исследовательских работ, материалов литературы. Главным составляющим в изыскании - было применение историко-сравнительного метода и др.

Таким образом, такой комплексный подход к вопросу позволил выявить специфические особенности азербайджанцев-тюрок Грузии, вытекающие из местных условий, наряду с выделением тех же связей в верованиях, обычаях и традициях других тюркских народов, связанных с рождением детей, а также в их отношении к мальчикам и девочкам.

Обсуждение

У населения, выбранного нами для исследования региона, существовал культ воды, которую считали избавителем от болезней и смывающей собой все беды и тяготы, а железо, и изготовленные из неё предметы, по поверью, считали силой способной отогнать злые силы, и, будучи оберегом, охранять их.

Для того, чтобы невеста вскорости забеременела её трижды обводили в саду вокруг обильно плодоносящего дерева, приговаривая при этом- «О владыка небес и земли, как ты не оставляешь это дерево без плодов, так и дай этой невесте дитя», или же во время праздника Новruz, держали над её головой миску с зазеленевшей пшеницей (семени), приговаривая при этом: «О танры, как ты взрастил «семени», так и дай невесте взрастить дитя» (Әliyev, 1995:107). Также накануне праздника, во время последней среды («чершенбе») на невесту надевали рубаху женщины, родившей младенца, приговаривая при этом: «О Аллах, за подол которого я держусь, о священная ночь, перед этой средой, сделай вскорости эту рубаху тесной для этой невесты, обязуюсь, если это исполнится, то через год в это время я буду сидеть до зари (дан отурмаг) и устрою обрядовое пиршество для гостей. За день до праздника Новruz, невесту заставляли также трижды перепрыгивать через ручную мельницу-«киркире» (Quliyev., Вәxtiyarov, 1968:37).

После всех этих обрядов, если невеста беременела, то её окружали особой заботой, не пускали заниматься тяжелой работой в доме и во дворе. Ей разрешали только исполнять в доме послильную работу по приведению дома в порядок, что делалось только для того, чтобы невеста была в движении, чтоб она и дитя в чреве были здоровыми, а роды прошли успешно. В противном случае, беременная

невеста постепенно становилась тяжела на подъем и была бессильной, что во время родов было чревато тяжелыми последствиями.

Во время беременности невесту, которую в народе называли ещё «агыр аяглы» (букв. «с тяжестью на ногах»), старались кормить калорийной едой, фруктами и овощами, считая, что здоровье плода в её чреве напрямую зависело от правильного питания. Если невесте во время беременности захотелось какое-либо блюдо, то старались тут же приготовить её для неё. Поговаривали, что если не приготовить для беременной желаемое ею блюдо, то у неё вспухнут груди, что по поверию приводило к тому, что на теле младенца в её чреве могли появиться родимые пятна. Такое поверье бытовало и среди азербайджанского населения Дагестана (Гаджиева, 1990:179). У туркменов рода каракечили, в случае когда беременной невесте не давали съест желаемое блюда, то, по поверью, это могло привести к отсутствию у младенца какой-то части тела (Kalafat, 2006:372).

Напомним, что как в Азербайджане, так и в регионах исследуемой страны, беременной невесте запрещалось есть говяжью печень. По поверью, если беременная невеста съедала еду приготовленную из этой печени, то после она притронувшись рукой к какой-то части своего тела, содействовала тому, что точно на такой части тела плода появлялось большое родимое пятно или большая родинка.

По народным представлениям, если во время первого шевеления плода в чреве матери, она взглянет на кого-либо, то будущий младенец будет похож на этого человека. Учитывая это, она старалась смотреть на красивые вещи, на людей с приятным лицом и характером. Для того чтобы будущий младенец родился здоровым, сильным и красивым, во время беременности невесте советовали есть много яблок, груш, айву и другие полезные фрукты. Не случайно, что деревья этих плодов в народе считались самыми желанными (Вәxтиyarova, 2002:61) в саду.

В исследуемых нами регионах существовал ряд примет, по которым можно было предположить пол младенца в чреве матери. К примеру, при приготовлении бараньей головы, когда отрывали челюстные кости загадывали, если кости эти отрывались с мясом, то у беременной невесты будет девочка, а если без мяса, то мальчик. Или же, если беременная невеста во сне увидит яблоко, то будет девочка, увидит нож, будет мальчик, если будет спать спокойно-мальчик, а беспокойно-родится девочка, а также, если невеста будет во время беременности ворчливой, крикливой то это к девочке, а будет спокойной, покладистой, то родится сын (Abdullayev, 1989:69).

Иногда, чтобы определить родится ли у невесты сын или дочь, через кольцо пропускали иголку с ниткой и держа вниз, по вращению иголки уггадывали пол: если нитка с иголкой вращалась по часовой стрелке, то предполагали, что будет девочка, а если против часовой - мальчик.

Такой способ определения пола плода было отмечено в Шеки-Закатальской зоне Азербайджана (Raşayeva, 2008:177).

Помимо этих примет, пол будущего младенца могли определить по форме живота беременной женщины, по тому волочит ли она при ходьбе правую или левую ногу, похорошела ли она во время беременности или наоборот подурнела. Месхетинские (Ахыска) тюрки для определения пола младенца в чреве матери,

отваривал яйцо, затем, взяв тонкую прядь её волос, пополам разрезали ею яйцо. Если при этом желток яйца был крепким, то предполагали, что будет мальчик, если же мягким, то девочка. Или же если беременная женщина во сне видела золотое кольцо, браслет, то это толковалось к рождению девочки, а если кинжал или нож, то мальчика (Kalafat, 2006:222).

Женщины Карабаева-Балкарии (Малкарларда) если хотели рождения сына, в кармане носили волчий зуб. По всему вероятно, это поверье исходило из бытующего в народе культа волка (Kalafat, 2006:408).

Роды происходили с помощью опытных повитух-мама. У анатолийских турков эта повитуха именовалась «Эбе ана» (Kalafat, 2006:363), проводила роды она с несколькими помощницами. В это время мужчины семьи (свёкор, деверь, муж) собирались в доме близкого родственника и с нетерпением ждали результата родов. Они, в особенности свёкр, желали, чтоб первенцем был мальчик, так как сын считался для отца «бьющей рукой» в смысле сильной рукой, зажигающей свет в доме, сын считался хранителем семьи, продолжателем рода и фамилии. Подтверждение этому мы услышали и в информации жителя села Агтехле Гаражского (Гардабанского) района Магеррама Мустафаоглы. По его словам, в один из дней к жителю села Агтехли Исмаилу Акперову пришел вестник («муштулугчы») с вестью о том, что у двоюродного брата Магеррама родился второй сын. В это время Исмаил муэллим по болезни лежал в постели. Услышав эту радостную весть, Исмаил муэллим на радостях велел своей жене достать из кармана его пиджака две красные десятки и одарить вестника. Жена же вместо двух десятирублёвок, дает вестнику одну десятку. Вестник, вернувшись к Исмаил муэллиму, сообщает ему, что его жена дала ему лишь одну десятку. Рассердившись по этому поводу, Исмаил муэллим жене говорит, что он эти деньги даёт не в честь того, что у Магеррама родился сын, а в честь того, что в его роду ещё один сын стал продолжателем его рода.

Как видно из вышеизложенного события, рождение сына было радостью не только семьи, но и радостью родственников всего рода.

В противоположность этому рождение дочери воспринималось не с такой гордостью. В особенности тяжелым было положения женщины, которая рожала друг за другом только дочерей. В этом случае в семье отношения между мужем и женой, свёкром и свекровью становились прохладными, а атмосфера в семье становилась напряженной. По этой причине девочкам давали такие имена как «Гызайетар» (букв. «достаточно девочки»), «Етар» (Достаточно), «Бэсти» (Хватит) и др. Этот обычай нашел своё отражение в поэме незабвенного азербайджанского поэта Самеда Вургуна: «Бэсти» (Хватит)
«Родив тебя девочкой, твоя мать назвала тебя «Бэсти» Судьба
лишила меня сына» сказала она.

Таков был обычай у нас... Родив только дочерей матери Подобные
лебедям на воде, одевались в черное,
Бедная женщина стесняясь, краснела перед мужем. Отрывались
как бы тысячи лепестков от её души,
Поговаривали «К чему девочка? Не прибыльна она, не дает богатства».
Зажигает свечу у чужих? Подобна

она перелетной птице

Не сегодня, завтра улетит» (Vurğun, 1961:232) (букв. перевод).

В семьях с большим числом родившихся девочек Карабаево-Балкарии, таких девочек именовали именами «Болду» (Олду), «Бурул» (Возвернись), «Гызтұвма» (Не роди девочку) и др. (Kalafat, 2006:361).

Рождение сына и в кашкайских семьях воспринималось с большой радостью. Кашкайские семьи, где рождались только девочки и не было сыновей, в народе прозвывали «слепой очаг» (Kalafat Y., 2006:31).

Как в Азербайджане (Qeybullayev, 1994:279; Səlimov-Şağıani, 1993:245), так и у других тюркоязычных народов (Сухарева, 1975:96; Фирштейн, 1978:201), а также в исследуемых нами регионах, вслед за рождением после нескольких девочек сына, бытовал обычай подвергать его обряду «Гейдари». Согласно этому обычаю, ребенку прокалывали мочку правого уха, продевали серьгу, а посередине обритой головы оставляли хохол (кэкил). Только по достижении 10-12 лет у него снимали серьгу и сбивали на голове хохол. По поверью, злые, недобрые силы мальчика, подвергнутого обряду «гейдари», воспринимали за девочку и не подходили к нему. Имеющий магическое значение этот обряд (гейдари) вплоть до 60-70-х годов XX столетия сохранялся в быту населения.

По сведениям повитух, долгие годы занимающихся своим делом, считалось, что, если роды проходили тяжело и роженица, обессилев теряла сознание, это значило, что демоническое существо-«Аланасы» выкрала у неё сердце и печень, которые промыв в воде, она вскармливала ими своих детей.

В целях защиты роженицы от злых сил, громко били друг о друга медную посуду, из всех сосудов сливали воду, устраивали стрельбу из ружей, шли к проточным водоёмам и кинжалами «разрезали» воду. Пришедшую, от этого шума, в сознание роженицу, считали, что она избавилась такими способами от влияния «Аланасы». В действительности, как утверждает медицина, «роды проходящие патологически, приводили к большой потере крови, к потере сил и сознания у роженицы, что конечно не воспринималось в обывательским сознанием населения, и такое состояние роженицы якобы происходило под влиянием злой силы-«Албасты». С целью уберечь роженицу от этого, нужно было всячески отогнать от роженицы злые силы, стучать в медную посуду, поднимать больше шума» (Abdullayev, 1989:78).

Информаторы считали, для того чтобы отогнать от роженицы злой дух-«Аланасы», надо пользоваться при родах металлическими предметами, веря в них как в обереги, в целом, поклоняться металлу. Вера в металл и в его оберегающую силу, была характерна многим тюркским народам (Kalafat, 2007:60).

Мифическое существо «Аланасы» или «Аларвады» в представлениях населения исследуемого региона являлось существом в белом одеянии, с длинными ногтями, высокого роста, с большими грудями, закинутыми за спину и желтыми всколоченными волосами. По их поверью это злое существо обычно обитало в саманнике, в камышах, около реки или у озера.

Известное в Азербайджане и в Грузии среди тюркоязычного населения это мифическое существо под названиями «Аларвады», «Аланасы», у турков прозвывалось «Алгарысы», у тувинцев «Албыс», у алтайцев «Алмыс», у якутов

«Албас», у кыргызов, казанских, крымских татар, команцев «Албасты» (Seyidov, 1989:178), у каркукцев «Алнэнэси» (Paşayev, 1992:15).

Мифическое существо Аларвады-Аланасы было известно не только тюркоязычным, но и другим народам. Этот мифический образ у афганцев был известен под названиями «Мадери ал», «Мадери ял», «Мадери хал», «Мадери ол», у таджиков-«Алмасти», у грузин «Али», у тальшай «Ала жен», у ряда славянских народов «Ала», у лезгин «Алпаб», у ингушей и чеченцев «Алмазы», у монголоязычных народов «Алмас», у татов «Ол» (Abdullayev, 1989:73) и прочие наименования.

После рождения младенца повитуха обрезала ему пупок и обсыпало его тело мелкотолченой солью или же обливала солоноватой водой. Это делалось для того, чтобы смыть устраниить неприятный запах с кожи младенца и для скорого укрепления его костей. С другой стороны, обмывание новорожденного подсоленной водой защищало его кожу от микробов (Qədirzadə, 2003:140). Такой обычай бытовал и у османских турков, у кыргызов и у узбеков (Фирштейн, 1978:192).

Новорожденный младенец в течение 5-7 дней спал около матери, затем его клали в колыбельку (бешик). Бешик выстругивали из древесного материала, в середине ложа колыбели - вырезалось круглое отверстие для стока мочи. Начиная с 50-60-х годов XX века, в некоторых семьях стали пользоваться металлическими колыбельками. Следует отметить, что по принятому обычаю, в семьях, где рождался первенец, все необходимое для младенца- пеленки, постельные принадлежности (стеганое одеяло, тюфячок, подушку, колыбельку и пр.) должна была подготовить бабушка с материнской стороны.

Ослабевшую после родов роженицу кормили мучными блюдами- гуймаг, хашил, молочной рисовой кашей (сюдлю сыйыг).

По народному эмпирическому опыту, эти блюда содействовали образованию у роженицы гемоглобина, устранили головокружение и боли в области живота.

Роженице, считающейся нечистой по истечении 40 дней после родов, не позволялось месить тесто и выпекать хлеб.

По сведениям, собранным у информаторов, молоко первого дня (*ağız südü*) роженицы отдавало горечью и её не давали новорожденному ребенку. Роженица, сцедив из груди это молоко, выливала её в какое-нибудь укромное место, так как материнское молоко считалось священным и топтать её было большим грехом. Вместо молока новорожденному в первый день давали подслащённую воду (шербет).

По словам старых женщин, после родов у роженицы соски грудей были крепкими и во избежание их растрескивания, роженица должна была их массировать своим молоком или же сливочным маслом и только после этого вскармливать своего ребенка. Этнографический материал свидетельствует, что в древности кыргызы новорожденному младенцу сперва давали вкусить молоко волчицы. По их поверью, младенец вкусивший это молоко рос здоровым, сильным и бесстрашным (Баялыева, 1972:22).

В комнате, где спал младенец, принято было в течение сорока дней оставлять

зажженным свет, класть под его подушку хлеб, соль, ножик, держать у колыбели сосуд с водой, яйцом, углем и древесной щепкой. Согласно народным представлениям, все эти обереги охраняли младенца как от Аланасы, так и от других злых сил, а также от дурного глаза. Роженица же в течение сорока дней (чилле) к вороту своей рубахи прикалывала иголку или булавку, одна не должна была ночью выходить во двор. У аджаров над колыбелью младенца подвешивали прутья от веника и лучины (кибрит), а к одежде матери прикрепляли кусок красной ткани. Считалось, что Аланасы боясь этих вещей, не могла навредить роженице и её младенцу. По поверьям аджарцев лучина считалась символом огня, красный цвет же оберегал от сглаза (Kalafat, 2006: 273-274). Этот обычай существовал в Анатолии, Ортадогу и других тюркских местностях.

Результаты

Таким образом, по собранным этнографическим материалам и литературным запросам, основанным на верованиях, имевших место в сознании населения, для рожениц и младенцев по истечению чилля (сороковины), а в целом для всех людей, среди злых духов самым страшным считался джин. Согласно исследователям на арабском языке слово джин был означал невидимый дух, по доисламским понятиям арабов, этот дух природы зарождался в чистом огне (Qeybullayev, 1994:299).

Для защиты младенца от злого джина, на его одежду прикрепляли булавку, и как отмечено выше, под подушку клали кусочек хлеба, щепотку соли и нож. По поверьям самым устрашающим для джина были хлеб, соль и металлические предметы. По этому поводу среди народа существовало много легенд. Хлеб под подушкой младенца был также символом благосостояния для его будущей жизни, соль олицетворяла вкус жизни, залог сладкой речи младенца, а нож клался для того, чтобы он рос бесстрашным и сильным.

По представлениям населения джины обитали в нечистых местах, на старых кладбищах, в развалинах старых жилищ и развалинах мельниц, на берегах рек и озер, а также под гранатовыми, инжировыми и ореховыми (грецкими) деревьями. Поэтому ни дети, ни взрослые под этими деревьями не спали.

Роженице, во избежание влияния злой силы джина не разрешалось в сумерках проходить под этими деревьями, около развалин, около рек и озер, а также выливать на землю кипяток. Согласно поверьям, этот кипяток мог обжечь детей джина, и он в отместку мог тяжело наказать человека вплоть до смерти или сделать безумным.

В этнографической литературе имеет место понятие о том, что якобы у джинов, как и у людей существуют различные виды религий. Детей, относящихся к их вере, джины якобы не трогали. Джинсы в особенности вредили мальчикам (Qeybullayev, 1994:300).

Ребенка или взрослого, которым навредил джин (джин вуран) лечили особые лекари, которых в народе называли «джиндар».

Помимо этого, население, чтобы защититься от влияния злых сил, как от «гарабасма», «вургун» и «шайтан» прибегали к разным средствам.

К постели младенца по истечению сорока дней (чиллями) не допускали женщин с кольцами на руках, с серьгами на ушах, с желтыми на шее бусами, женщин с дурным глазом или бесплодных. Всё это могло, в противном случае стать причиной болезни младенца и даже его смерти. К постели младенцу запрещалось также приносить сырое мясо. Так как в этом случае у младенца тело формировалось, якобы без костей. В случаях, когда домой приходил гость, то младенца отводили в другую комнате и только после этого выносили показать младенца гостю. Иногда младенца выносили во двор или же поднимали наверх на пороге дома и гость должен был пройти под поднятым ребенком. Считалось, что, если к младенцу подходила женщина с металлическими украшениями, с бусами на шее или с дурным глазом, состояние ребенка ухудшалось. В таком случае, чтобы устранить вредное воздействие дурного глаза, бусы и металлические предметы рыли в яму на глубине 40-50 см, и проносили младенца над этой ямой.

Следует отметить, что в изучаемый нами период бытовавший обычай (торпагдан кечирме) у азербайджанцев Грузии, нами не был зафиксирован в Азербайджане.

Недопустимость приношения сырого мяса к постели роженицы и младенца до истечения их сороковины, был отмечен и у месхетинских (Ахыска) турков. По их поверьям они также считали, что младенец в этом случае станет как было отмечено выше «этсюмук», то есть без костей (Kalafat, 2006:226).

Этнограф Г.Г. Гадирзаде пишет, что в прошлом в Нахчыване, известные под именем «Бабоул» плоские, желтые или синие бусинки были особенно опасными для младенца. До истечения сорока дней после рождения, если кто-либо носившие на шее эти бусы подходил к новорожденному, то он желтел, синел и сразу умирал (Qədirzadə, 2003:155).

На рубашке, к плечу младенца, чтобы уберечь его от дурного глаза прикалывали зашитую в кусок материи или кожи записанную на бумаге молитву. Эту молитву от сглаза писал на бумаге духовное лицо-«молла» или считающийся в народе почетный «сеид» (т.е. потомок пророка).

Бумажку с молитвой, зашитую в материю в треугольной форме, зашивали в кусок синей или зеленой материи. На шапочку, на кисть или к пеленке младенца прикрепляли также бусинку от сглаза «гёзмунджугу». По народным поверьям самым лучшим оберегом от дурного глаза был именно «гёзмунджуг».

По поверьям в случае, если была опасность сглаза, то одна из «глазков» этой бусинки лопалась, и этим считалось, что влияние дурного глаза устарялось.

Применению этой бусинки от сглаза (гёзмунджуг) большое значение придавалось и других тюркоязычных народов. К примеру, узбеков, туркменов, киргизов и др. (Василева, 1986:190; Баялыева, 1967:131).

От дурного глаза у многих тюркских народов, в том числе у азербайджанцев Грузии, широко пользовались оберегом, изготовленным из древесины дерева «дагдаган». Исследователи пишут, что в народе бытовало поверье в сакральную силу этого дерева от сглаза и бусинку, вырезанную из неё прикрепляли к пелёнке или к вороту распашонки младенца (Quliyev., Bəxtiyarov, 1968:46-47).

Следует отметить, что для того, чтобы уберечь ребенка, и вообще всех членов семьи от дурного глаза и злых духов, наверху у входа жилища прикрепляли

конскую подкову или засохшую веточку колючки.

Новорожденного в периоды до сорока дней купали теплой водой, в которую клали шейную кость свежезарезанного скота. По сведениям информаторов такая процедура имела большое значение для укрепления шейных позвонков ребенка. Для того, чтобы злые духи не навредили младенцу, эту воду после его омовения выливали в вырытую в укромном месте яму.

По словам старожилов над новорожденным по истечении сорока дней, надо было провести процедуру снятия «чилля». С этой целью из подогретой воды брали сорок столовых ложек воды и вливали в медную чашу (гырхачар джамы). Искупав ребенка в теплой воде, затем, предварительно собрав в чашу сорок ложек воды, постепенно стекали с плеч ребенка, приговаривая при этом слова: «Да истекут с этой водой с тебя все твои болезни и горести». В этот день эту процедуру снятия чилля проводили и над его шапочкой, рубашкой и одеяльцем.

Этими предметами больше не пользовались и изрезав на куски, использовали для пеленок. Оставляли только шапочку (папах), которую хранили для последующего ребенка. Через такую процедуру снятия «чилля» после сорока дней должна была пройти и роженица.

Интересно отметить, что у ингилойцев христиан, живущих в Азербайджане также существовал этот обычай-для новорожденной девочки держали «чилля» сорок дней, а для мальчика-48 дней (Paşayeva, 2008:192).

По истечении 6-7 месяцев ручки младенца не пеленали. Во избежание царапин от ногтей ребёнка, на кисти его рук надевали сшитые из мягкой ситцевой ткани рукавички. В этот период ребёнка постепенно начинали приучать к дополнительной пище.

Обычно в 8-9 месяцев младенец начинал ползать. В этом случае его переставали пеленать. Следует отметить, что в некоторых семьях как в летние, так и в зимние месяцы в постель под ребенка клали хорошо промытую баранью шкуру. Так как считалось, что в этом случае к ребенку не заползали скорпионы (бёв-бия) и змеи. Таким образом, застилание под ребёнка бараньей шкурой в зимнее время, предохраняло его от холода, а летом предохраняло от жалящих насекомых. Согласно собранным сведениям, мать вскармливала ребенка грудью в течение года или двух лет. Вскармливание ребенка материнским молоком нашло свое отражение и в шариате (Кәгітov, 1987:99). Несмотря на то, что ребенка вскармливали дополнительно другой мягкой пищей, материнское молоко для него считалось самым вкусным и полезным.

Для здорового развития ребенка, материнское молоко имело неизмеримое и несравнимое ни с чем значение. Не случайно, считалось, что люди недостаточно вскормленные материнским молоком, вырастив ,становились алчными, ненасытыми, в народе таких людей прозвывали «сюддан яныг» (т.е. недостаточно вскормленные молоком).

Иногда случалось, что по ряду объективных причин (когда у роженицы не было молоко или она тяжело болела, или умирала), ребёнок лишался материнского молока. В таких случаях ребёнка вскармливала грудью другая женщина , у которой был свой кормящийся ребёнок. Эта кормилица считалась «молочной матерью для другого ребенка, а дети «молочной матери» для

вскормленного её ребенка считались ему «молочными братьями-сёстрами» (Qədirzadə, 2003:171). Таким детям в будущем запрещалось вступать в браки между собой.

Заключение

Таким образом, проведённые историко-этнографические исследования отражают следующее: в XIX-начале XX веков, существующие среди азербайджанцев Грузии обычаи, связанные с бесплодными семьями, мерами, применяемыми для устранения бесплодия, поверьями в злые силы, обряды связанные с рождением ребенка, вера в разные обереги от влияния злых духов на младенца, а также существующие в народе правила воспитания девочек и мальчиков, и связанные с этим обычаи, поверья, свойственны были как азербайджанскому народу, так и другим тюркоязычным народам. Наряду с этим по изучаемому вопросу были выявлены и локальные особенности, имевшие место среди населения исследуемого региона.

Список литературы

- Abdullayev B.A. Haqqın səsi. Bakı: Azərnəşr, 1989, - 144 s.
- Aliyev E. Gürcüstanda yaşayan Azərbaycan türkləri arasında bebeklərin çileden çıkarılması ve sonrası gelenekler, törenler, tərbiyə yöntemleri // Türk arkeoloji ve etnografya dergisi, 90. 2025, - s. 165-178.
- Bəxtiyarova R.Ə. Azərbaycanda ağaç ayını. Bakı: Araz, 2002, - 118 s.
- Əliyev Ə.T. Gürcüstan azərbaycanlılarının mənəvi mədəniyyəti. Bakı: Elm, 1995, - 128 s.
- Əliyev Ə., Əmənova B. Ailə məişətində ənənəvilik // Qarabağ. Tarixi-etnoqrafik tədqiqat. II kitab. Bakı: 2023, - 358-369 s.
- Kalafat Y. Balkanlardan Uluğ Türkistana. Türk Halk İnancları III-IV. Ankara: 2006, - 556 s.
- Kalafat Y. Balkanlardan Uluğ Türkistana. Türk Halk İnancları II. Ankara: 2007, - 406 s.
- Kərimov Q.M. Şəriət və onun sosial mahiyyəti. Bakı: Azərnəşr, 1987, 222 s. Kitabi-Dədə Qorqud. Bakı: Yaziçı, 1988, - 265 s.
- Qeybullayev Q.Ə. Azərbaycanlılarda ailə və nikah (XIX əsr və XX əsrin əvvəlləri).II hissə. Bakı: Elm, 1994, - 440 s.
- Qədirzadə H.Q. Ailə və məişətlə bağlı adətlər, inamlar, etnogenetik əlaqələr (Naxçıvan materialları əsasında). Bakı: Elm, 2003, - 368 s.
- Quliyev H.A., Bəxtiyarov A.S. Azərbaycanda qədim dini ayinlər və onların məişətdə qalıqları. Bakı: Elm, 1968, - 110 s.
- Məhərrəmova S. XIX-XX əsrin əvvəllərində Kiçik Qafqazın cənub-şərq bölgəsinin tarixi-etnoqrafik tədqiqi. Bakı: Apastrof-A, 2020, - 304 s.
- Paşayev Q. İraq-Türkman folkloru. Bakı: Yaziçı, 1992, - 216 s.
- Paşayeva M. Azərbaycanlıların ailə mərasimlərində etnik ənənələr. Bakı: Azərnəşr, 2008, - 308 s

Seyidov M.M. Azərbaycan xalqının soykökünü düşünərkən. Bakı: Yaziçı, 1989, - 496 s.

Səlimov-Şağıani T.S. Abşeronlular. Bakı: Elm, 1993, - 311 s.

Təhləli N. Dağlar, əyil, yar görünüsün... Bakı: Nurlan, 2003, - 298 s.

Vurğun S. Əsərləri. III cild. Bakı: Azərb. SSR EA-nın Nəşriyyatı, 1961, - 584 s.

Баялыева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Ильм, 1972, - 168 с.

Баялыева Т.Д. Пережитки магических представлений и их изыскивание у киргизов // Древняя и раннесредневековая культура Киргизистана. Фрунзе: Ильм, 1967, - с. 122-145.

Василева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М.: Наука, 1986, - с. 182-195.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы XIX-начале XX в (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1990, - 216 с.

Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков// Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М.: Наука, 1975, - с. 5- Фирштейн Л.А. О некоторых обычаях и обрядах связанных с рождением и воспитанием ребенка у узбеков Южного Хорезма // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978, - с. 189-208.

Асад Т. Алиев

*А.А. Бакыханов атындағы ӘҰҒА-ның Тарих және этнология институты,
Баку, Әзірбайжан*

ГРУЗИЯ ӘЗІРБАЙЖАНДАРЫ АРАСЫНДА БАЛА ТУУҒА БАЙЛАНЫСТЫ ДӘСТҮРЛЕР, ЖОРАЛҒЫЛАР ЖӘНЕ НАНЫМ-СЕНІМДЕР (XIX – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ)

Андратпа. Мақала Грузиядағы әзербайжан-түріктердің бала түуымен байланысты дәстүрлері, ғұрыптары мен наным-сенімдеріне арналды. Онда барлық түркі халықтарында, XIX–XX ғасырдың басында грузиялық әзербайжан-түріктер үшін ұрпак жалғастыруши болып табылатын баланың дүниеге келуі отбасының ең маңызды міндегі әрі болашақ әл-ауқатының кепілі саналғаны атап өтіледі. Бала болмау ауыр күнә ретінде қарастырылып, мұндай жұптарға қоғамның көзқарасы өте теріс болған. Сондықтан келін бірнеше ай өткен соң жүкті болмаса, оған «чиллу» – көз тиді деп есептелген.

Тарихи-этнографиялық материалдар келіннің үйден шығуымен және тазарту ғұрыптарымен байланысты түрлі рәсімдердің жасалғанын көрсетеді. Әсіресе символдық әрекеттерге ерекше мән берілген: қызды жеміс ағашының айналасына жүргізген, өйткені ағаш қалай жеміс берсе, келіннің де жақында ана болады деп сенген. Тұыс-туғандар мен жақындар көз тиу мен дуаны кетіру рәсімдеріне белсенді қатысып, сол арқылы аналыққа бастайтын барлық жолдарды ашамыз деп ойлаған.

Мұндай ырым-дәстүрлер наным-сенімдердің синкреттік сипатын көрсетіп, тұрмыстық әдет-ғұрыптардың магиялық түсініктермен және халықтық медицинамен астасып жатқанын аңғартады. Бұл әдет-ғұрыптарды зерттеу өнірдің этномәдени ерекшелігін түсінуде, Кавказ түркі халықтарының рухани мұрасын сақтауда маңызды рөл атқарады, сондай-ақ дәстүрлі қоғамдағы отбасы мен аналық құндылықтарын тереңірек ұғынуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Грузия қазақтары; бала түу; наным; түркі халықтары; ұл мен қыз балаларға көзқарас.

Asad T. Aliyev

*Institute of History and Ethnology of ANAS named after A.A. Bakikhanov, Baku,
Azerbaijan*

TRADITIONS, RITUALS AND BELIEFS ASSOCIATED WITH THE BIRTH OF CHILDREN AMONG GEORGIAN AZERBAIJANIS (XIX-EARLY XX CENTURIES)

Annotation. The article is devoted to the traditions, rituals, and beliefs associated with childbirth among the Georgian Azerbaijani Turks. It emphasizes that, as among all Turkic peoples, the birth of a child — the continuer of the lineage — was considered the most important duty of the family and a guarantee of its future well-being for the Georgian Azerbaijanis—Turks in the 19th and early 20th centuries. Childlessness was viewed as a grave sin, and society's attitude toward such couples was extremely negative. Therefore, if a bride did not become pregnant within a few months after the wedding, it was believed that she had been affected by the evil eye — “chillu.”

Historical and ethnographic materials record various rituals and ceremonies related to the bride's temporary departure from home and to purification rites. Particular importance was attached to symbolic actions: the young woman was led around a fruit-bearing tree, based on the belief that just as a tree bears fruit, the bride would soon become a mother. Relatives and close community members actively participated in rituals to remove the evil eye and hexes, believing that this would open all blocked paths to motherhood.

Such practices reflect a syncretism of beliefs, where everyday traditions intertwined with magical notions and folk medicine. Studying these customs is important for understanding the ethnocultural specificity of the region and preserving the spiritual heritage of the Turkic peoples of the Caucasus, as well as for gaining deeper insight into the value of family and motherhood in traditional society.

Keywords: Georgian Azerbaijanis; childbirth; faith; Turkic peoples; attitude towards boys and girls.

References

Abdullayev B.A. The Voice of Truth. Baku: Azernashr, 1989, - 144 p.

Aliyev E. The rite of passage for newborns among Azerbaijanis living in Georgia and subsequent traditions, ceremonies, and methods of upbringing // Turkish Journal of Archaeology and Ethnography, 90. 2025, - p. 165-178.

Bakhtiyarova R.A. Tree ritual in Azerbaijan. Baku: Araz, 2002, - 118 p.

Aliyev A.T. Spiritual culture of Georgian Azerbaijanis. Baku: Science, 1995, - 128 p.

Aliyev A., Amanova B. Traditionalism in family life // Karabakh. Historical-ethnographic research. Book II. Baku: 2023, - 358-369 pp.

Kalafat Y. From the Balkans to Great Turkestan. Turkish Folk Beliefs III-IV. Ankara: 2006, - 556 p.

Kalafat Y. From the Balkans to Great Turkestan. Turkish Folk Beliefs II. Ankara: 2007, - 406 p.

Karimov G.M. Sharia and its social essence. Baku: Azernashr, 1987, - 222 p.

Kitabi-Dede Gorgud. Baku: Writer, 1988, - 265 p.

Geybullayev G.A. Family and marriage among Azerbaijanis (XIX and XX early century). Part II. Baku: Science, 1994, - 440 p.

Gadirzade H.G. Customs, beliefs, ethnogenetic relations related to family and everyday life (based on Nakhchivan materials). Baku: Science, 2003, - 368 p.

Guliyev H.A., Bakhtiyarov A.S. Ancient religious rites in Azerbaijan and their remains in everyday life. Baku: Science, 1968, - 110 p.

Maharramova S. Historical and ethnographic study of the southeastern region of the Lesser Caucasus in the 19th-early 20th centuries. Baku: Apastrof-A, 2020, - 304 p.

Pashayev G. Iraqi-Turkmen folklore. Baku: Writer, 1992, - 216 p.

Pashayeva M. Ethnic traditions in family ceremonies of Azerbaijanis. Baku: Azernashr, 2008, - 308 p.

Seyidov M.M. Thinking about the genealogy of the Azerbaijani people. Baku: Writer, 1989, - 496 p.

Salimov-Shagani T.S. Absheron people. Baku: Science, 1993, - 311 p.

Tahlali N. Mountains, bend, let the lover be seen... Baku: Nurlan, 2003, - 298 p.

Vurgun S. Works. Volume III. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1961, - 584 p.

Bayalieva T.D. Pre-Islamic beliefs and their survivals among the Kyrgyz. Frunze: Ilm, 1972, - 168 p.

Bayalieva T.D. Vestiges of magical ideas and their exploration among the Kirghiz

// Ancient and early medieval culture of Kirghizstan. Frunze: Ilm, 1967, - pp. 122-145.

Vasileva G.P. Magical functions of children's jewelry among the Turkmen // Ancient rites, beliefs and cults of the peoples of Central Asia (historical and ethnographic essays). Moscow: Nauka, 1986, - pp. 182-195.

Gadzhieva S.Sh. Dagestan Terekemen people of the XIX-early XX centuries (historical and ethnographic study). Moscow: Nauka, 1990, - 216 p.

Sukhareva O.A. Vestiges of demonology and shamanism among the lowland Tajiks // Pre-Muslim beliefs and rituals of Central Asia. Moscow: Nauka, 1975, pp. 5-93.

Firshteyn L.A. On some customs and rituals associated with the birth and upbringing of a child among the Uzbeks of Southern Khorezm // Family and family rituals among the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Moscow: Nauka, 1978, - pp. 189-208.

Сведения об авторах

Алиев Асад Танырверди оглы – PhD (история), доцент, ведущий научный сотрудник отдела «Историческая этнология» Института истории и этнологии НАНА имени А.А. Бакиханова, Баку, Азербайджан.

Авторлар туралы мәліметтер

Алиев Асад Танырверди оглы – PhD (тарих), доцент, ӘҰҒА-ның А.А. Бакиханов атындағы Тарих және этнология институтының «Тарихи этнология» бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері, Баку, Эзербайжан